

Взгляните на лицо...

Так назывался фильм кинематографистов П. Когана и П. Мостового, снятый лет двадцать назад. Сделан он был просто: в Эрмитаже, в том зале, где находится «Мадонна Литта» Леонардо да Винчи, была скрыто установлена кинокамера. И день за днем оператор снимал лица людей, останавливавшихся перед бессмертным образом материнства; те чувства, которые высвечивались на этих лицах: благоговение, восторг, раздумье, печаль...

Но разве лишь одни творения великого искусства рождают эти многообразные чувства? Каждый вспомнит: в многолюдье, в городской толпе, чье-то лицо, взрослое или детское, вдруг словно приковывает к себе радостью или печалью, светом или безнадежностью...

Вот примерно так и было со мной... Вокруг шумела веселая неразбериха школьной перемены: смех, беготня, крик. И вдруг — стоп! Краски как-то вроде бы померкли, и стало почему-то совсем тихо. И уже выделись мне только одни эти не детские, печальные и огромные серые глаза. Наполняющая их тоска, словно стеной, отделила этого мальчугана от толпы сверстников.

Он стоял в стороне совсем один, как-то весь сжавшись, и, наверно, от этого показался мне совсем маленьким («Первоклашка», — подумала я) и еще более беззащитным и несчастным. Весь его образ слился для меня в одно тягостное ощущение какой-то безысходности. А, кстати, малышом в буквальном смысле слова, он уже и не был, учился во втором классе, было ему почти девять лет. Но внешне больше шести ему вряд ли бы кто-нибудь дал...

Пожалуй, именно с этого момента и началась моя настоящая жизнь психолога-экспериментатора, для которого все происходящее в эксперименте имеет особый личностный смысл. Что бы я ни делала, меня не оставляло желание понять причину этой отрешенности от всего радостного, занимательного, детского. Сколько попыток разговорить его и его родных (достаточно замкнутых и скрытных людей)... Внешне это была самая обыкновенная, увы, неполная, семья: мальчик, мама, бабушка, дедушка (отец развелся с матерью вскоре после рождения малыша). Никаких драк, скандалов, пьяниц. Правда атмосфера, прямо скажем, не очень жизнерадостная, но если признаться честно, бывает и хуже.

Но тогда откуда же у мальчика все ЭТО?!

Что ЭТО, попробую рассказать. Но сначала придется отвлечься и пояснить читателям, что все события, о которых здесь идет речь, происходили в одной московской школе во время проведения экспериментальной работы, целью которой было выяснить, как же дети младшего

Фото С. Казмина

школьного возраста умеют оценивать себя и других, свои и чужие успехи-неуспехи в самых разнообразных видах деятельности и какие способности или психологические механизмы нужны для успешного решения таких далеко не простых задач.

А сейчас о нашем мальчике. Назовем его, по вполне понятным причинам, другим именем, например, Костя. Итак...

— Костя, давай поговорим с тобой немножко, ты согласен?

Костя молча кивает головой. «Ну, наконец!» — с облегчением думаю я. Вот уже три недели мне никак не удается установить с ним контакт. К каким только хитростям я ни прибегала... И вот...

— Хочешь, мы поговорим с тобой о том, каким ты будешь, когда вырастешь? А кем бы ты хотел быть? Ты когда-нибудь думал об этом?

А Костя после долгого молчания:

— Когда я вырасту, кем-нибудь буду, конечно... Ведь все взрослые кем-то бывают, — говорит еле слышно, медленно и неуверенно. — ...Ну, буду, может быть, слесарем или улицы чистить буду, но не знаю, не уверен...

Он вообще ни в чем не бывает уверен, ну а в хорошем и подавно. Жди от жизни только шишек — вот такая у него философия...

— После школы, если кончить ее смогу, в армию пойду. Говорят, в армии все сильными становятся. Армия, мама говорит, ум-разуму учит, и меня научит чему-нибудь. Но не знаю, возьмут ли... Слабый я, болею часто, по всем предметам двойки получаю. Я хочу быть добрым, сильным. Но не буду таким, я жалею часто, грубым бываю. Не получится ничего у меня... Очень боюсь, когда к доске вызывают или когда контрольные пишем. Я иногда и знаю, как ответить, но у меня от страха как будто языка нет, стою, смотрю на всех, стыдно мне, что сказать ничего не могу, а от этого и вовсе все забываю, что знал...

Откуда же такая безысходность? Неужели никто не видит в Косте хорошего? Ведь есть родные, есть мама...

Мама:

— Он еще не появился на свет, а я уже была зла на него. Зла на все, что мне еще только предстояло вынести. Я не знала, что будет, но чувствовала, хорошего

теперь не жди... Что? Да вы о чем это? Какое счастье материнства, при чем здесь вообще чудо? Избитые банальности и больше ничего...

Родился он на редкость крепким и здоровым. Но до чего же горластый был... Своим визгом он буквально сводил меня с ума. Я старалась, чтобы он побольше спал. Днем затемняла комнату, крепко пеленала его, чтобы он не проснулся. Что вы говорите? Разговаривать с ним? Играть? А пеленки, по-вашему, кто стирать будет, чужой дядя, что ли? Ему? Общение? Да ведь они в этом возрасте ничего не понимают, а вы — общение...

Вот так, дорогие читатели. Это — Костин фундамент.

— Костя, скажи, а ты хочешь, чтобы были отметки? Попробуй ответить, почему ты так думаешь или иначе...

— Нет, не хочу. Если бы их не было, никто бы не знал, что я такой плохой, что совсем 'глупый и ничего не умею...

Мама:

— До года он ни разу не болел. К моей большой радости, постепенно я его отучила орать. К году это был абсолютно тихий, спокойный ребенок. Какой? Равнодушный? Не знаю, главное, он не мешал. Сидит себе на одном месте и тихо перебирает игрушки. Я вздохнула с облегчением. Но не тут-то было...

Это уже началось строительство «здания»...

— Костя, а как ты учишься? (Учится очень слабо. Первый класс кончил с одними тройками, но учительница считает, что фактически это двойки.) Можешь ли учиться лучше? Что тебе мешает?

— Учусь очень плохо. Учиться лучше не смогу, мешает то, что я неспособный, вот и получаю всегда двойки...

Мама:

—...Когда ему было один год и три месяца, он заболел воспалением легких, а потом началось... Не проходило и месяца, чтобы он чем-нибудь не болел. То насморк, то грипп, и так без конца. Я думала, что сойду с ума. Стал какой-то нудный, все время хнычет, все ему не эдак и не так... Когда ходить-то начал? Где-то в год и месяца два что ли... Много ли бегал? Да что вы! От этого я его сразу отучать стала. Нечего носиться сломя голову...

И опять передо мной Костины глаза... Какое-то настораживающее спокойствие в них... Нет, не спокойствие, пожалуй, а безразличие и равнодушие. У остальных моих «подопечных» в глазах искорки любопытства, да и не могут они долго сидеть на месте, их все время куда-то тянет, они задают вопросы, живо реагируют на ситуации, которые создают психологи. А Костя, в основном, молчит и смотрит куда-то прямо перед собой. А если говорит, то так тихо, как будто сам себя боится услышать.

Мама:

— Заговорил он когда? Поздно вообще-то. До трех лет почти ничего не говорил, ну а потом понемногу заговорился...

Да, разговорился... Трудно так сказать о Косте. Каждое слово буквально приходится из него вытягивать.

Мама:

—...Интересуют ли его книги? Да как вам сказать, пожалуй, что не очень. Посмотрит картинки минут пять-десять и надоедает ему...

А ведь Косте уже почти девять лет! В его возрасте многие детишки буквально до дыр зачитывают полубившиеся им книги.

— Костя, а у тебя есть любимые герои, любимые книги?

И снова он молчит... И я не знаю, о чем же еще его спрашивать...

...А вот симпатичная девочка исподтишка, с любопытством разглядывает меня и с удовольствием отвечает на все мои вопросы.

Фото С. Скуратова

— Я люблю Алису! Ага, ту самую, из Страны Чудес... И вы ее любите? Вот здорово! Чем она нравится? Ну... Она такая... Ну, как я! Во все ей надо сунуть свой любопытный нос. Иногда ей даже достаётся за это! Ей все надо знать, потому что вокруг столько всего интересного!

И голосок этой девчушки с забавными веснушками на носу так и журчит...

Кем хочу стать? Ну как же не думала? Об этом все думают. Ответить, конечно, трудно, но я попробую. Я люблю математику, но еще пока не очень хорошо решаю задачи /девочка учится фактически на одни пятерки/. Я хочу стать инженером, как мой папа... Я знаю, какие экзамены нужно сдавать в институт, где готовят инженеров (это во втором-то классе!). Нужно хорошо знать не только математику, но и русский язык, инженер должен быть грамотным. Потом у нас будет еще предмет такой — физика...

Ее мама:

— Когда родилась наша доченька, у нас сплошные чудеса начались. Да, да, не удивляйтесь! Настоящие чудеса! Что ни день, то новое чудо: то чихнула первый раз, то вдруг засмеялась, да так, что сразу забылся целый месяц почти бессонных ночей...

Снова разговариваю с девочкой, влюбленной в Алису.

— Как учусь? Ну, хорошо... Но могу учиться лучше. Я знаю, что могу лучше, но ленью иногда — хочется погулять или почитать что-нибудь. Уроки я довольно быстро делаю, а в остальное время или читаю, или бегаю во дворе, или на гимнастику хожу, а то конструирую что-нибудь. Вот сейчас склеиваю новую модель самолета. Иногда не получается, но я возжусь, пока не сделаю...

Мама:

— Она всегда была очень подвижной и общительной. Что я? Ну а я старалась помогать ей в этом... Когда говорить начала? Да вы знаете, как-то трудно так вот определенный срок назвать. Впрочем, в год она говорила много отдельных слов, потом как-то незаметно стала их соединять. Ну а в два года говорила уже практически все...

Помните Костю: «до трех лет почти ничего не говорил»?

—...Какой хочу быть? Конечно, как все девочки, хочу быть красивой, стройной. Я сейчас занимаюсь спортивной гимнастикой... Конечно, хорошо, когда рождаются красивыми, ну а я... У меня веснушки. Но это ведь не очень плохо. А главное: я постараюсь быть веселой, доброй, помогать всем. Мама говорит: если будешь доброй, то и красивой тоже обязательно будешь...

Мама:

— Как? Не брать на руки, когда кричит? Да что вы, она у нас вообще «ручной» была... Не вижу ничего плохого в этом... Ношу я ее, а она головкой во все стороны крутит, все ей интересно.

Еще одна маленькая собеседница... Чинно, спокойно, можно сказать, солидно сидит рядом со мной...

— Через десять лет я буду очень красивой, высокой... Меня будут все любить. Глаза у меня будут очень большие, голубые, с длинными-предлинными ресницами... Волосы золотые... Ноги будут у меня стройные очень... Кем буду? Конечно, знаменитой актрисой и певицей, как Алла Пугачева! Все будут смотреть на меня и говорить: «Вот смотрите, пошла актриса знаменитая!» Буду играть во многих театрах и, конечно, в кино...

Ее папа смотрит на меня немного насмешливо и вызывающе:

— Она у нас девочка очень способная, я бы сказал, талантливая. Учится на «отлично». Ее ожидает прекрасное будущее... Что? Да, конечно, актрисой! При ее внешности кем же еще? Уж во всяком случае не инженером же каким-нибудь...

— Что буду делать, чтобы стать актрисой? А что делать-то? Просто я ей буду, потому что вырасту, и так будет. Я ведь очень хочу, чтобы так было, а папа говорит, что если очень захотеть чего-нибудь, то так оно и будет обязательно!

Ее мама:

— Хорошо, хорошо, я отвечу, но вы уж простите, больше чем десять минут ну никак... Жизнь такая... Все бегут. Наша девочка? Что вы! Какой садик! Она у нас домашняя. Да, да, с бабушкой... Была ли подвижная? А при чем здесь это? Ну вам, конечно, виднее. Да нет, пожалуй, она всегда больше посидеть любила. С книжкой? Нет, книги ей быстро надоедают. Посмотрит разок — и в сторону. А вот телевизор... Это пожалуйста, хоть на весь день! Ее и не видно, и не слышно. Какие игры любит? Да вы знаете, как-то не задумывалась... Когда маленькая была? Затрудняюсь сказать. С ней все бабушка больше... А бабушка у нас человек серьезный, какая уж там игра...

Детство... Шум, беготня, прятки, догонялки... А знакомо ли все это нашей «отличнице» — в будущем знаменитой актрисе? Играть в театре, в кино. Игра т.е. Но как играть, если она не знает, что это такое?

Володя:

— Я буду высоким и сильным. У меня будут широкие плечи (после Кости он самый маленький в классе), физически развит слабо, часто болеет). Я буду знаменитым спортсменом. Может быть, футболистом, как Блохин, или Третьяком буду! Я сейчас, знаете, как в футбол гоняю? Все соседки меня боятся. Как «зафутболю» мяч, так только окна потрескивают! Но я не хулиган, просто я сильный, вот мяч так далеко и летит... Я сейчас уже сильнее всех в классе — сто приседаний делаю, подтянуться могу много раз (к сожалению, все это не соответствует действительности)...

Его мама выглядит подавленной, угнетенной, словно устала от всего:

— Я вообще человек невезучий... Первый муж умер, когда нашему сыну и двух лет-то не было. Вскоре опять вышла замуж. Второй муж? Вообще-то он человек неплохой, да больно уж требовательный. Все внимание отдаю ему, а мальчику... Вот сын и гоняет по двору целыми днями.

Володя:

— У меня обязательно будет машина. Я на ней всюду развезать буду. А машину мне подарят на мировом чемпионате за большие достижения в спорте. А когда к зрителям выхожу, буду, все будут кричать, приветствовать меня... Что буду делать, чтобы стать спортсменом? Я же сказал, что уже сейчас ого как играю? Ну а вырасту, буду еще лучше играть!

«Знаменитая актриса»... «Знаменитый спортсмен»... Эффектная внешность, незаурядное будущее... Все их любят, всем они нравятся... «Отличница» и почти «двоечник»... Что же общего между ними? Чем-то они похожи, но чем же?

Новые и новые беседы с родителями, детьми, учителями; многочисленные эксперименты, проведенные по специальным психологическим методикам, и цифры, много цифр, сведенных в таблицы. Таблицы зависимости двигательной активности в раннем детстве и умения решать задачи на оценку своих и чужих достижений, результатов в самых разнообразных заданиях. Таблицы, из которых видно, как соотносятся особенности общения взрослых с ребенком, степень его активности с первых дней жизни и его умение общаться со сверстниками, успеваемость в школьные годы.

Активность ребенка... Она проявляется буквально с первых дней его жизни. И, увы, часто с тех же первых дней и месяцев взрослые стараются уменьшить эту «чрезмерную» активность. Однако именно это ограничение и распространенное мнение об опасностях, которые якобы несет в себе «чрезмерная» активность, могут принести и приносят непоправимый вред как физическому, так и психическому развитию малыша. Для ребенка нет чрезмерной активности. Он сам «знает», сколько, как, когда ему двигаться, и, что самое удивительное, «знает» часто лучше взрослых. Они, воспитывая ребенка, полагаются на свой опыт (даже если его фактически и нет), на свое самочувствие, хотя самым естественным и простым было бы ориентироваться и полагаться на самочувствие ребенка — ведь хотя бы ему было лучше! Здоровый ребенок сам может определить разумную и полезную для него норму: вернее, определяет это его организм, который очень редко ошибается и чаще всего верно и вовремя «подсказывает», что и как лучше сейчас делать: бегать, прыгать или тихонько посидеть, поиграть.

Вернемся к детям, о которых мы рассказали. Помните, как по-разному эти дети «рисуют» свое будущее? У одних все внимание сосредоточено на внешней стороне: незаурядность профессии, эффектная внешность, популярность. Но для достижения всего этого они не собираются ничего делать. Они уверены: их мечты сбываются, потому что они «просто хотят, чтобы было именно так». А кто-то (помните девочку с веснушками?) уже понимает, что само по себе ничего не бывает: чтобы мечта сбылась, надо долго и упорно трудиться.

Почему же все-таки одни дети могут правильно, адекватно оценивать и себя, и возможности свои и других, и уже в свою

меру, здраво, реально смотреть на свое будущее, а другие не могут?

Почему одни уже в младшем школьном возрасте умеют вовремя вносить поправки в свои оценки и самооценки, а другие не способны правильно решать задачи такого рода?

Так вот и оказалось: как раз те дети, которые в первые годы жизни имели низкую активность, и не справляются с решением задач, связанных с оценкой и самооценкой. Вернее, они как-то их решают, но их самооценки и оценки отличаются следующими особенностями: неадекватностью (завышенностью или, наоборот, заниженностью), субъективностью, отсутствием обоснованности при выборе тех или иных критериев, случайностью выбора. А в качестве оснований оценки они выбирают единичные факторы. Дети с завышенной самооценкой, как правило, очень категоричны в своих суждениях и очень самоуверенны. Учатся они почти всегда слабо, но если в первом-втором классе они еще сохраняют завышенную самооценку, то к третьему-четвертому (из-за постоянно плохих отметок, нареканий взрослых, нежелания сверстников «водиться» с ними) пересматривают ее уже в сторону занижения. У них портится характер, они становятся или плаксивыми, забитыми, или же, наоборот, задиристыми, грубыми.

А та девочка, которая влюблена в Алису, как же она решает задачки на оценку и самооценку? Я думаю, что вы и сами можете сделать теперь кое-какие выводы, опираясь на ее «интервью». У нее, как и у других ребят, чью активность не сковывали, чье общение со взрослыми основывалось на потребностях и возможностях самих детей, оценки, как правило, адекватны, обоснованны, дифференцированы. Оценивая себя, эти дети проявляют высокую степень самокритичности, пользуются широким кругом критериев. А когда оценивают товарищей, то, как правило, проявляют доброжелательность и чувство ответственности. С ними хотят дружить, в классе их любят.

Мы старались показать, сколь тесно взаимосвязаны в личности ребенка такие качества, как любознательность, умственная активность, умение оценивать себя и понимать окружающих. А истоки, начала этих взаимосвязей находятся в самом раннем детстве, и толчок к их развитию даете вы, те взрослые, с чьей помощью ребенок входит в «мир людей», в мир человеческих взаимоотношений. Наблюдение, заботливое, любовное внимание к ребенку помогут вам и самим открыть, как нужна ему (словно воздух!) возможность проявить свою активность, как необходимо ему ваше ободряющее, а не приструнивающее слово.

А можно ли узнать, что происходит в душе ребенка, как слышит он вас, чего ждет? Можно. Много есть путей для этого. Вот хотя бы: взгляните на лицо...